

© 2006 г.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

О СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, зам. гл. редактора журнала «Социологические исследования».

В одной из публикаций в нашем журнале президент Международной социологической ассоциации (2004-2006 гг.) П. Штомпка связал смысл изучения истории социологии с выходом на ее современную проблематику [1]. Изучать историю социологии ради понимания развития социологии современной целесообразно и плодотворно. Но в российских условиях встает непростой вопрос: что собой представляет последняя? Конечно, для ответа на него можно обратиться к ряду публикаций, в том числе, - в нашем журнале [2]. Однако излагаемые в аналитических текстах такого рода представления естественно не полны: ход времени образует в них пробелы. Предлагаемый ниже материал, он подготовлен в основном по интернет-источникам, – служит их частичному восполнению.

Обсуждаемые ниже характеристики современной социологии (начало XXI в. и конец века завершившегося) коренятся в «пост-парсоновских» процессах и подвижках. К состоянию, которое можно назвать «современным», социология начала двигаться в 1960-е г. с точки отсчета, связанной с именем Т. Парсонса. Протесты против его теории, построенной вокруг представлений о «современном» (*modern* - модерном) обществе, отозвались в социологии, став стимулом ее развития. Выступившие против

парсонологии неомарксисты и неовеберянцы вызвали к жизни веер новаций, породив сохраняющийся до сих пор феномен поли- (мульти-) парадигмальности социологических теорий и концепций. В меньшей степени очевиден тот факт, что за калейдоскопичностью стояли и стоят столь же пестрая социальная реальность и столь же разные социальные группы - от красных до зеленых (знамя пророка), «голубых» (меньшинства сексуальные), черных и т.д.

Так же, как Т. Парсонс пытался опереться в своей социологии на теорию модернизации, современная социология ищет в качестве опоры (точки отсчета) крупный ориентир в развитии современного социума. В критике парсонологии нео- (и пост-) марксистская социология, начиная с Ч.Р. Миллса и Э. Гоулднера, опиралась на социально-экономические факты – неравенство, угнетение, эксплуатация и т.д. Неовеберянство апеллировало (и апеллирует) к рациональности человека [см., напр., 3]. В последние годы ведущими факторами перемен в социологии выступают процессы глобализации (употребляю это понятие со всеми мыслимыми оговорками). Обеспечивает рост и прибавление социологического знания взаимодействие социологии с жизнью глобализирующегося человечества, - главный узел противоречий в многоаспектной социальной реальности. В становящемся глобальным мире социологи находят и анализируют новые явления, конфликты, разрывы, риски, полюса. На фоне глобализации целеустремленные, активные «агенты», общественные группы, движения и государства пытаются добиваться удовлетворения своих требований. Новые реалии жизни человечества взаимодействуют со всем диапазоном социологических подходов к осмыслению объекта социологии: от индивидуальной психологии, углубления в механизмы сознания и поведения до универсальной системности. Системности не в парсоновском понимании (биологическая или машинная аналогия), а общечеловеческой, - системы общественной «жизни». Множество подходов в этих условиях вполне естественно: социолог, конструируя теорию, обречен выхватывать

лишь некоторые составляющие при еще отсутствующей ясности понимания совокупности глобальных составляющих.

Как и на всех этапах истории нашей науки, ее развитие в последние десятилетия происходило при весьма значимом взаимодействии с большой группой наук. Среди них есть далекие от обществознания, на первый взгляд, дисциплины, - генетика, биология, археология, семантика, и др. Но наиболее заметным стало воздействие наук традиционно близких к социологии – наук гуманитарных, общественных, психологических. Подчеркну также, что в результате менялись все вовлеченные в этот процесс науки: взаимодействие – обмен был обоюдным.

Результаты взаимодействий такого рода получили в социологии конца прошлого века название «поворотов» (turns), развернувшихся во всей современной науке об обществе и человеке. Их результаты обновили облик современной социологии. Поворотов литература по социологии (отраженная во всемирной паутине интернета, откуда и почерпнута основная часть используемых ниже данных) упоминает несколько. Но вначале уточню смысл термина «поворот». За этой метафорой скрывается не только фаза движения от прежнего к новому, а открывающиеся за поворотом горизонты освоения новых полей знания (или забытых старых – по аналогии с освоением залежных земель в отличие от подъема целины). «Поворачиваются» к чему-то, происходит запуск механизма интеракций, возникают плоскости взаимодействий - интерфейсы. Повороты - это зона, место, где начинается плодотворное развитие, идет приращение знаний. Эффект их в развитии социологии имеет аналог со временем бурного роста теорий одного фактора: социология нашего времени, как и во второй половине века XIX-го, обогащается взаимодействием с историей, географией, антропологией, лингвистикой, философией, психологией и др. Достижения этих наук интегрируются в социологическое знание, придавая ему новое качество, обоснованность, новый уровень. Философские подвижки во взглядах, на природу социальной реальности, в ее

интерпретации, стали важным фактором «поворотов». Больше, чем прежде, признание получили идеи двойственной, дуальной, бинарной (понятие из химии: два нейтральных вещества, соединившись, дают, к примеру, смертоносное отравляющее вещество) природы социальной реальности - объекта социологии. Индивидуальная психология стремится к постижению новых глубин на стыке сознательного и бессознательного, социального и биологического (симптоматично возрождение неodarвинизма на базе достижений генетики и эволюционной биологии). За популярностью феминистской социологии, обращением к гендеру, к археологии сексуальности, к семье, выбору партнера в жизни (М. Фуко, Э. Гидденс и др.) стоит и желание на новом уровне познать суть и границы человеческого.

Перечислю и кратко охарактеризую некоторые из называемых в литературе повороты - в порядке частоты упоминания и важности:

1. *Исторический поворот* привлек социологов к анализу становления, к процессам, переменам, появлению, причинности и к их отсутствию (отрицанию). Социология (после Парсонса, а также Шютца) вернула себе темпоральность, временное измерение. Классикой стала, например, *процессная* социология Н. Элиаса [4]. В начале XXI в. говорят о факте историзации социологии.

2. *Культурологический поворот*, начавшись с исследований культур, утвердил в социологии сознание важности анализа особенностей, специфики, индивидуальности, *особости* человека и среды, их взаимодействий. География такого подхода отражает важность изучения всего мира, всех рас, этнологии и антропологии современности, даже передовых стран (например, антропология современных США) [См.: 5].

3. *Отношенческий (relational) поворот* [6] не столь масштабен, и говорят о нем реже. Речь идет о возросшем внимании социологов не только к агентам (акторам) или структурам (системам), но, и в первую очередь, к социальным отношениям. Подобная концепция социального идет, как

минимум, от Г. Зиммеля и Дж. Г. Мида. Да и Карл Маркс (шестой тезис о Фейербахе) писал о сущности человека как совокупности общественных отношений.

4. *Лингвистический поворот* акцентирует изучение способов общения, поведения, коммуникации - вербальной и невербальной, углубляет понимание сознательного и бессознательного, дает выход на новый уровень анализа поведения, на людей всех культур и цивилизаций. Через отражение специфики языка и понимания того, как люди наделяют смыслами свои речь и действия, добыты подвижки в исследованиях сознания и поведения.

5. *Семиотический поворот* встречается реже, и его можно понять как часть лингвистического поворота: обращение через семиотику и семантику к выявлению более глубоких уровней социального смысла (говоря привычными для российского читателя терминами) сознания и поведения. Ф. де Соссюр называл семиотику «жизнью знаков в обществе» [7, р. 15].

Поскольку набор «поворотов» (в интернете можно встретить и «нарративный» поворот [8]) выдает их различные назначения и смыслы (местами близкие к методике), почему бы не продолжить список поворотов за счет гендерного или феминистского? Но это замечание служит тому, чтобы подчеркнуть весомость первых из названных поворотов. Эти повороты под влиянием подвижек в новейшей философии в какой-то мере несколько обновили понимание социальной реальности: она признается материальной, но в то же время и не только материальной. Социальное стало более «текстуализованным» (определяемым социальными «текстами»). В определении социальной реальности на место жесткой дихотомии материализм/идеализм (и других ее версий) пришли их релятивизация, дуальность подхода к социальному, допущение влияния на научные выводы контекстов, например, «культуры ученых». Эти новации повлекли за собой гораздо большее внимание при изучении социального к действиям человека как компоненте, по меньшей мере, равнозначной

институтам, структурам, законам и т.п. По Шютцу за человеком признали уникальность и парадоксальность. Остановлюсь на некоторых последствиях для социологии этих поворотов. Хотя «повороты» взаимосвязаны, первым по времени развертывания и ведущим представляется исторический (к нему применяют понятие из теории резания металлов – «режущая кромка» развития социологии). В частности, он позволил более качественно решать проблемы причинности (каузальности) в социуме. Признание важности исторического пути (процесса) для социологического анализа побудило стремления расшифровывать исторические «коды» современности, что сразу же поставило в поле внимания исследователей проблему специфики, конкретики, уникальности культур. Резко расширилось временное и географическое пространство материала, анализировавшегося социологам. Вырос интерес к лингвистическим и семиотическим проблемам, акцентировав проблематику отношений, поскольку язык, речь – важнейшие средства человеческих отношений. П. Рикёр удачно связал герменевтику с семиотикой, а дильтеевскую герменевтику плодотворно развивал К. Гирц.

Поскольку исторический поворот отражен в некоторых публикациях в «Социсе», остановлюсь на культурологическом (букв. - культурном) повороте. Местом его возникновения считают «Центр современных культурных исследований» (основан в 1963 г.) Бирмингемского университета в Англии [9]; во Франции этого рода исследования продвигал журнал «Tel Quel». С 1968 г. бирмингемский центр возглавил чернокожий выходец из британской заморской территории (быв. колония) Ямайка Стюарт Холл (р. 1932 г.). Сейчас он, создатель парадигмы культурных исследований, признан классиком социологии. С. Холл понимал культуры (множественность культур у него сомнений не вызывала) как системы смыслов, воплощенных в социальные практики. В марксизме (Холлу он близок) это называют бытием. Но «культуралист» Холл отличался от активных тогда неомарксистов-детерминистов (Франкфуртской школы, Т. Адорно, акцентировавших стратификационные факторы культурного

неравенства, объяснявших производство и потребление культуры) стремлением изменить культуру, а вслед за ней - среду бытия. Несколько позднее, при М. Тэтчер такой метод своей «политики перемен» выбрали британские левые. Холл постепенно утрачивал интерес к классовой борьбе; центр его внимания перемещался к «идентичности» и «репродукции» субъектов, к формированию через культуру индивидуальности, субъектности (превращение индивида в субъекта). Человек, рассуждал Холл, взвешивает смысл текста, послания (message), адресованного ему извне (государством, обществом через СМИ); однако понимание смысла зависит от его культурной подготовки (опыта); эта подготовка объясняет, почему одни люди принимают заданное прочтение текста, другие нет.

Широкую известность Холлу принесло раскрытие расовых предрассудков в выступлениях британских СМИ. Накопив данные о репрезентации разных групп в печати, на радио и телевидении, он в ноябре 1971 г. заявил шокированной аудитории Би-Би-Си, что «есть нечто в корне неправильное в том, как черных иммигрантов... представляют СМИ» [10]. Холл убедительно показал, что СМИ сотрудничают с властью, поддерживают доминирующие ценности, дают слово экспертам и свидетелям преимущественно из привилегированных групп, представляют точку зрения большинства, что «черных» на телевидение не пускают, что они - граждане второго сорта; интеграция – утопия, реальные проблемы меньшинств никого не интересуют; это - *terra incognita* для властей Британии; и т.д. Выступление Холла сравнивали с хирургической операцией без наркоза.

Под влиянием С. Холла в Британии, а затем в США «заговорили меньшинства» - этнические и сексуальные. Пришел черед феминизма, гендера, анализа гибридной идентичности, «западности», расовых отношений, мультикультурализма, политики культурных различий, городских субкультур. «Культурные исследования» С. Холла слились с

постколониальными исследованиями, - комплекс изучения проблем, с которыми столкнулись бывшие колониальные страны.

Традиционную социологию культуры «культурный поворот» не затронул; ей пришлось, правда, отказаться от а-историзма. Но после Холла утвердилось новое, учитывающее время и место прочтение культуры и ее тесные связи с политикой, экономикой, с социумом. Культура, можно сказать с небольшим преувеличением, стала восприниматься как ведущее измерение социума. Такое преувеличение прочитывалось еще в роли ценностей у Парсонса, правда, настаивавшего на универсальности культуры именно «модерна».

Приход культурных исследований в США сравнивали с «вторжением британцев» - подобной разрывам бомб популярности групп «Битлз» и «Роллинг стоунз» в 1960-х. Американская социология начала активно и в массовом порядке «поворачиваться» к изучению ранее считавшихся маргинальными групп. В шутку социологов делили на «повернувшихся» и «не повернувшихся». Культурологический поворот дал социологии новые парадигмы, а их авторам - ранг классиков.

Ученик Т. Парсонса Клиффорд Гирц (Geertz) стал символом этого поворота с его историческим измерением для социологии США. Проверял идею учителя об универсальных ценностях модерна Гирц на этнологической и антропологической эмпирике: практики, ритуалы, символы (под влиянием символического интеракционизма). Его «Интерпретация культур - избранные статьи» (1973) обращена против функционализма, механицизма, универсализма. В отличие от Парсонса природа культур у Гирца - конструируемая, искусственная, не необходимая, а контингентная (сложившаяся в силу стечения обстоятельств). Культура у него вещь спорная, темпоральная, эмерджентная. Она не определяет интересы людей. «Паутину» смыслов того, что его окружает, человек сам плетет себе из средств, которыми располагает. Соответственно и науки об обществе и человеке больше интерпретативны, чем наблюдательны, более

похожи на литературную критику, чем на труд дешифровщиков. Клиффорд Гирц акцентировал в своих трудах анализ сигнификации (наделение – со стороны индивида - смыслом), проблем смысла, систем символов, прочтение человеком окружающего мира как текста. Разделяемые (группой, обществом) символы – основной лик культуры, писал он. Он отказывался считать культуры, страны, нации, классы внутренне унитарными, однородными [11].

Культура, - попытаюсь полнее передать социологический смысл сложившегося в итоге к ней подхода, - стала восприниматься как совокупность всех описаний (лингвистический поворот), через которые члены общества уясняют смысл (отраженный в словах, речи), «осмысливают» совокупный опыт. Культура рассматривается как богатый комплексный текст; она обретает качество трансцендентального актора, мягко, но постоянно и значимо влияя на формирование социальной жизни. Социология вобрала в себя идею о том, что всякое, любое действие встроено в определенной мере в рамки эмоций, чувств и смыслов. Ключевой итог такого подхода сводится к утверждению автономности культуры. А социальную значимость культуры можно передать формулой (Р. Уильямса) - «культура это долгая революция» [12] - по временной протяженности.

Культурологический поворот породил *культуральную* социологию Джеффри Александера [13] - транслитерация латинского написания английского слова ‘*cultural*’. Дж. Александера по инерции и сейчас воспринимают как нео- или пост-парсонянца (неофункционалиста), что не отражает его эволюции. В отличие от Парсонса, у Александера человек свободен не подстраиваться под действительность, свободен менять ее для себя, создавать альтернативный мир.

Культуральная социология Дж. Александера, прежде всего, это не традиционная социология культуры. Ей ближе антропология – изучение перемен в окружающей среде под действием человека. Предшественницей

парадигмы Дж. Александера называют структуралистскую антропологию. В отличие, однако, от последней, эта социология вернула, возвратила в историю и культуру человека как субъекта. В интернете (на сайте одной из секций Американской социологической ассоциации) есть определение культуральной социологии: «это подход к работе социолога, высвечивающий человеческую сторону социальных феноменов. То есть, это попытка акцентировать способы восприятия и производства социальной жизни активным агентством человеческих существ, которые, утверждал Гирц в 1973 г., помещены в переплетения смыслов, ими самими сотканных» [14]. Связанные с этой социологией подвижки – признак расставания с «безлюдной» историей и методологическим антигуманизмом трудов ряда социологов от Т. Парсонса до лидера бывшей французской компартии Л. Альтюссера, полярно противоположных в социальном плане.

В трудах Александера видное место занял анализ теоретической части социологического знания [15]. Очевидно, он искал (или создавал) экзегетическую теорию, свою теоретическую парадигму социологической науки и с 1990 г. остановился на **культуральной социологии**. Подчеркивая принципиально новый характер этой парадигмы, Александер называет концепции С. Холла «слабой», а свой подход – «сильной программой» «культурной» социологии. Показатели различия следующие. У Холла роль культуры не самостоятельна («не двигатель, а коробка передач»); это - зависимая переменная. Культура Александера – переменная независимая. Холл признает автономность класса, расы, гендера, но не культурной сферы; у него нет атрибутов «реляционности», связывающей и объединяющей индивидов и группы, - кодов, бинарных оппозиций, которые делают самостоятельной роль культуры у Александера [16]. Интегрировав в культуральную социологию идеи дискурса (Хабермас), - наделению смыслами обсуждаемых проблем, - Александер связал ход и исход дискурсов(важнейшего механизма гражданского общества). диапазон следующих за ними социальных действий с культурой, образованностью,

глубиной и широтой знаний участников дискурса. Тем самым, он наделяет каждого участника максимальной ответственностью за будущее, - все решают способность, готовность (культурная) каждого определить исход дискурса по конкретной проблеме.

Путь Дж. Александера в социологии иллюстрирует сдвиги в географии мировой социологии: по мере создания собственной концепции он все дальше уходил от американской социологической традиции к европейской. В прошлом чаще случалось обратное – эмигранты из Европы в США в 1930-40 гг. подчеркнуто акцентировали родство своих теорий с исконно американскими идеями бихевиоризма, интеракционизма, парсонизма и т.д. Дж. Александер, в частности, старательно обосновал свою новую социологию наследием Дюркгейма [17], ввел понятие «познедюркгеймианской социологии», утверждая, что Дюркгейм, изучая религию, приблизился к культурным исследованиям, интересовался символами и наделением вещей символическими, культурными смыслами. Некоторым социологам такая интерпретация наследия Дюркгейма представляется натянутой [18]. Правда, Александер ссылается и на родство культуральной социологии с Дж. Г. Мидом и символическим интеракционизмом. Характеристику подходов Александера дополняют напряженности в отношениях с постмарксистской критической социологией [19].

Парадигма культурной социологии сфокусировалась на показе мощной роли культуры в формировании социальной жизни. В концептуальном репертуаре «культурных социологов» на первый план вышли понятия ценностей, кодов и дискурсов. Заимствовано требование К. Гирца - добиваться «плотного (thick) описания» кодов, нарративов и символов, текстов (сетей) социального смысла, который формирует и социальные структуры. Нетрудно понять в этом контексте значимость и подчиненную (для социологии) роль поворотов лингвистического и семиотического. В результате культурального поворота социологи стали теснее связывать социальные структуры (институты) с культурой, осмысливание людьми

реальности с властью, агентство (целенаправленную, осознанную деятельность индивидов) с институциональными сдержками. Культуральная социология стала пониматься как социологическая теория, в центре которой находится культурная составляющая социальной бинарной реальности. Достигнуто, в частности, более широкое отражение значимости человеческих ценностей, верований, идей, опыта и т.д. Эта теория в последнее время применяется в специальных дисциплинах - индустриальной социологии, социологии права, образования и т.д. Ее растущая роль выражена в анализе значения культурных аспектов повседневной жизни, поведения и сознания индивидов, что прежде заслонялось факторами экономическими, материальными, структурными. Для иллюстрации: тело человека стало «проектом», который обладатель его сам способен реализовывать в социальных рамках культуры [20]. В Англии, США социология пережила увлечение темами, которые до поры до времени игнорировала, – народы колоний, женщины, этнические и сексуальные меньшинства.

«Поворотам» сопутствовали подвижки в методологии социологических исследований. Прочтение культуры как текста, проникновение в смыслы, интерес к наделению людьми своих мыслей и действий определенными смыслами и т.п. привели к реабилитации методов микро анализа, нарратива, кейс-стади, включенного наблюдения. В социологию вошли визуальные исследования. Опыт прожитой индивидом жизни оказался интересным для социологов; биография слилась с исторической социологией, сложилась автоэтнография. В контексте анализа нарративов родилась примечательная формула: «маленькие N - большие выводы» [21]. Работающие в социальных науках математики стали активнее использовать нечеткие множества. И все это – на фоне не гладкого вхождения в научный обиход компьютера: в начале 1990-х говорили о «компьютерной опасности, “PC scare” – термин тот же, что использовался в 1919 г. в связи с большевистской «красной опасностью». Несколько

девальвирована сойственная социологам США жестко количественная методология. Разрядилось противостояние «количественники»/«качественники».

«Повороты», повернув аналитику социальной реальности к многогранности и изменчивости, дали аргументы противникам унификаторского видения глобализирующегося мира. Акценты на агентности, субъектности, контингентности, текстуальности, на построении социальной реальности и необходимости быть само-рефлексивным в исследовании не только породили феномен полипарадигмальности в социологии. Реальнее и ближе стала перспектива отказа от некоторых схем развития человечества. Вырисовываются контуры потенциально глубоких трансформаций социального знания по ряду линий – от теоретических парадигм до общественной роли социально-философских теорий. Более вероятным стал отказ от, или крах, теории модернизации, сохраняющей место краеугольной основы сущности и динамики современной эпохи.

Кажущейся простотой теории модернизации (термины, понятия “modern”, “modernization” означают современность, модернизацию - в смысле создания такой современности) ее создатели и приверженцы из среды политиков прикрыли базовые (не в столь отдаленном прошлом сказали бы - классовые) характеристики содержания современной эпохи. Для россиян – исключая молодое поколение – роль этой теории можно пояснить сравнением с дихотомией *социализм/империализм* в идеологии и политике советского времени. Речь в обоих случаях идет о формуле современной эпохи, - основе идеологии и политики, претензий на лидерство в реализации устремлений человечества.

Поскольку модернизация - попытка угадать суть и динамику эпохи, от этой идеологемы отказаться трудно. Она десятилетиями диктовала практикам представления о модели социального мира; обосновывала определенную (европейско-веберовскую) рациональность, «современный» тип рационального человека, образцы общества, власти, политики,

демократии. «Modernity» - это рынок, конкурентная экономика, представления о гражданстве, свободе, правах человека и т.д. Прошлое и настоящее разделены. На одной стороне - капитализм, рациональность, бюрократию, гражданское общество и т.д. На другой - феодализм, традиционализм и т.п. Но как быть, если не все страны пережили истоки и стадии модерна – Просвещение, промышленная революция, революция в образовании, в семье, в отношении полов и т.п.? Впишутся ли в модерн Индия, Китай, исламский мир и т.д.? Как быть, если справедливость, свободы, равноправие, демократия понимают по-разному, или не воспринимают? Если страна противится модерну, в ход можно пускать силу?

Появившись в социологии в форме метафоры, теория модернизации сразу вызывала критику, сомнения. Представляется, что в силу сущностной целеустановки на эмпирическое, «сциентистское» выявление фактов, из которых складываются картины социальной реальности, социология оказалась в роли лидера в критике этой теории. Удары по Парсонсу били по теории модернизации. И то, что до сих пор парсоновский идеал современности сохранил позиции, - еще один показатель центральной роли Парсонса в истории социологии середины XX в. Именно Парсонс трудами о системах современных обществ заложил фундамент такого прочтения характера современной эпохи [22].

Более того, при внимательном чтении некоторых западных текстов по социологии обнаруживаются утверждения, что сама наука социологии занимается изучением «современного» (modern) общества, гражданского общества, будучи ими порождена и т.п. Тогда социология невозможна вне наличия этих феноменов (хотя их универсальный характер пока не доказан), и то, чем занимаются ученые в странах «немодерных», в лучшем случае есть прото-социология. Действительно: нет модерна, не может быть настоящей социологии.

Повторю: признание многогранной и переменчивой сущности социального мира дало критике теории модернизации более солидный фундамент. Отошлю читателей к наиболее заметным в этом плане публикациям нашего журнала [23]. В частности, перемены в России, в других постсоциалистических странах, проводившиеся по модели «модернизации», политика МВФ в этом регионе мира, строившаяся на идее транзита к модерну, дали немало аргументов ее противникам. Когда Бруно Латур провозглашал в 1980-е годы [24] «Мы никогда не были современными», от него отмахнулись, - мол, еще один постмодернист. Но идея постмодерна - своего рода признание того, что модерн перестает работать. Таким же образом следует оценивать факты появления нео-, рефлексивной и других версий модернизации.

Социологи продолжают систематическую критику этой теории. Новые доказательства невозможности унификации многообразных данных по широкому временному и страновому диапазонам позволили международному коллективу ученых положить в основу коллективной монографии идею переделки (возможно - фундаментальной) модерна. Базовая посылка о необходимости такой переделки сформулирована следующим образом: «модерн - концептуально нестабильный исторический концепт» [25, р. 12]. Авторы признают, что идея модерна продолжает формировать текст социальной теории, но сложившийся в ее рамках «гиперструктурализм» прикрывает такие ключевые, но «нерациональные» лики модерна, как религия, эмоции, привычки, войны и государственное насилие. И приводится контраргумент (данные культурных и исторических исследований вне ареала европейско-североамериканской культуры), адресованный современным социологическим парадигмам, построенным на концепции рациональности по М. Веберу: даже формирование «рационального» мнения индивида обнаруживает изрядную долю иррациональности.

Западные обществоведы в попытках создать теорию социальных перемен обнаруживают, однако, что невозможно совместить с теорией модернизации итоги эмпирических исследований от Турции до стран Латинской Америки [26]. Видимо, в недалекой перспективе теорию модернизации ждет судьба ее предтеч – концепций вестернизации и единого индустриального общества. В данный процесс логически вписываются тенденции современной социологии, на которые обращал внимание читателей наш журнал [27]: голоса из арабских (исламских) стран о важности социологии Ибн-Хальдуна, сомнения по поводу универсализма атрибутов европейской цивилизации, причины концентрации социологов ряда стран на этничности, самоидентичности, и т.д.

Вопросов к теоретическому описанию современных реальностей много. Какую позицию заняла социология? Реакция сообществ социологов продиктована в какой-то мере тем, что авторитет социологии отражается и на распределении ресурсов профессиональных сообществ, на привлекательности этой дисциплины на рынке образовательных университетских услуг, на общественной роли науки. Последний момент, напомню, активно обсуждался на международных форумах перед всемирным социологическим конгрессом в Дурбане и на самом конгрессе. Эту тему акцентировал, продуманно адресуясь к посткоммунистической аудитории, экс-президент Международной социологической ассоциации П. Штомпка в Москве в ноябре 2005 г. В сущности, обращение к проблемам общества и есть смысл существования социологии. Она возникла из общественных потребностей, завоевала признание своим вкладом в решение конкретных проблем индивидов, групп, обществ. Нынешние призывы к повышению общественной роли социологии связаны с конкретной ситуацией на пересечении общественных запросов и работы социологов. Варианты возможных шагов некоторое время назад обсуждали, например, два бывших президента Международной социологической ассоциации М. Арчер и И. Валлерстайн. Последний ориентировал на

перспективу революционной ломки ныне существующей «социальной реальности». Его оппонент склонялась к тому, что из истории общественного движения в России начала XX века известно как «теория малых дел» [28].

Нынешнюю кампанию за активизацию общественной роли социологии в известной мере генерировал президент Американской социологической ассоциации (занимал этот пост согласно уставу Ассоциации в 2003-2004 г.) Майкл Буравой (в Дурбане избран одним из вице-президентов Всемирной ассоциации социологов). С его биографией можно ознакомиться в интернете [29]. Выступив, завершая положенный срок президентства, с докладом «Публичная социология», Буравой развил свои мысли в ряде выступлений, получивших серьезный резонанс. Миру нужна публичная социология, чтобы во имя интересов человечества сдерживать необузданную тиранию рынка и государства; нужно повернуться лицом к реальным проблемам общества, превращая (слова Ч.Р. Миллса) частные заботы в публичные проблемы. Буравой назвал труды последнего периода, ставшие вкладом в решение таких важных вопросов обществ как расовая дискриминация в учебе и труде, эффективная организация труда, равенство женщин и мужчин, сексуальные домогательства на работе, оздоровление экологии городов, совершенствование школьных программ. Он выделил исследование Дианой Вон (Vaughan) организационной культуры в НАСА, - в связи с гибелью «шаттлов» «Колумбия» и «Челленджер». Центром усилий социологов в настоящее время, считает М. Буравой, следует сделать массовые проявления социальной несправедливости в отношении мигрантов в экономически развитых странах [30]. Нельзя не признать, что в этой проблематике глобализация, как ее видят в Европе и Северной Америке, реально и болезненно «встретилась» с третьим миром, с миром неимущих, и эта встреча еще более подрывает основы теории модернизации, формируя, возможно, контуры социологии завтрашнего дня.

Призыв Буравого резко активизировать «публичное» начало социологии вызвал широкие неоднозначные отклики. Последнее связано в какой-то мере с тем, что М. Буравой – марксист по убеждениям. Он длительное время читал курс «Марксизм и социология» в калифорнийском университете Беркли (там в 1960-е годы студенты напряженной борьбой отвоевали «свободу слова») по произведениям Маркса, Энгельса, С. де Бовуар, Ф. Фанона, Э. Дюркгейма и М. Вебера. Буравой специализируется по социологии труда, часто используя метод включенного наблюдения. Он, например, в начале 1990-х провел исследование на мебельной фабрике в Сыктывкаре, а ранее в Венгрии отработал год сталеваром на металлургическом комбинате им. Ленина. Характерно, что вновь избранный президент МСА М. Вевьёрка известен публикациями, содержащими анализ феноменов расизма, ксенофобии, антисемитизма, терроризма.

Призывы Буравого оттеняют некоторые черты сегодняшней российской социологии, в которой, кажется, направление марксистской критической социологии не существует: по некоторым публикациям может сложиться впечатление, что марксизм – дело прошлого. Между прочим, это свидетельство того, чем в действительности были в СССР «марксизм-ленинизм» и соответствующие социология, политэкономия, философия и т.д. Время от времени в редакцию нашего журнала приходят статьи, воспроизводящие подходы советского времени. Но, как показывает случай с публичной социологией, сейчас марксизм значим не как теория конкретного этапа в истории капитализма или набор вытекающих из этого анализа рецептов. Марксизм изначально и в своей реально сложившейся к исходу XX века роли выступает как научный анализ (и поиск выхода из) отчуждения, эксклюзии, нищеты, неравенства, эксплуатации, угнетения, доминирования и т.д. Человечество пока не придумало новой теории этих язв, что и питает жизненные силы марксизма. Ситуация эта имеет прямое отношение к России и как аспект публичной социологии, и как

теоретическое основание политики в социальной (по меньшей мере) сфере. Естественно, речь идет о социальной политике не в смысле, заложенном в наименование государственного ведомства по социальным вопросам.

Марксизм – реальная и важная парадигма современной социологии. Взаимодействуя с окружающей общественно-научной средой, он выступает стимулирует анализ социальных и выступает как фактор развития социологии. Выступления марксистов стимулируют содержательные дискуссии, - «политкорректные», но и без дипломатических условностей. Среди имен этого направления социологи М. Буравой, Л. Вакан, Э. Олин Райт, Г. Терборн (он отозвался о теории модернизации так: «это скорее рыхлый набор дискурсов о социальных изменениях» [31], авторы, группирующиеся вокруг журналов «Critique», “New Left Review”, “Eleventh Thesis”. Сильное влияние марксизма отразилось в трудах П. Бурдьё, Э. Гидденса, М. Фуко, Ю. Хабермаса, Н. Пуланцаса и др. Сейчас в нашей стране немногие помнят лауреата Ленинской премии за укрепление мира между народами (1959 г. награждения) Уильяма Дюбуа, американского социолога, с 1930-х годов коммуниста, исследователя проблем американских негров. Сейчас он - классик социологии, а его книга 1903 года «Души черного народа» – в списке лучших трудов по социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социол. исслед. 2005, № 10, с. 65.
2. *Култыгин В.П.* Границы социологии. Заметки с 37-го конгресса Международного института социологии // Социол. исслед. 2006, № 3, с. 135-141; *Романовский Н.В.* Три подхода к будущему социологии // Социол. исслед. 2005, № 3, с. 3-12; *МакДаниельс С.* О Всемирном конгрессе социологов в Брисбене // Социол. исслед. 2004, № 11, с. 107-109; *Култыгин В.П.* Теоретическая социология за рубежом накануне конгресса // Социол. исслед. 2005. № 9; и др.
3. *S. A. Arjomand* Theory and the Changing World. Mass Democracy, Development, Modernization and Globalization // *International Sociology*. 2004, № 3, pp. 337-353; а также *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М. 2003.
4. *Krieken R. van.* Norbert Elias and Process Sociology // *The Handbook of Social Theory*. *Ritzer G., Smart B.* eds. London: Sage.1998. P. 353-367.
5. См.: *Turner G.* British Cultural Studies: An Introduction. Boston: Unwin Hyman, 1990; *Smith Ph.* The New American Cultural Sociology: An Introduction // *The New American Cultural Sociology*. Cambridge: CUP. 1998.
6. *Emirbayer M.* Manifest for a Relational Sociology // *Am. J. of Sociology*. 1997. V. 103. No. 2, pp. 281-317
7. *Saussure F. de.* Course in General Linguistics. La Salle, Ill.: Open Court, 1986.
8. *Hennen P.* The Narrative Turn in Sociology - <http://www.soc.umn.edu/-trcweb/homepage/stu-pub/publications/HennenQual.PDF>
9. *Turner G.* Op. cit.; а также работы С. Холла - *Hall S.* The Hard Road to Renewal. L.: Verso, 1988; *Idem.* Encoding and Decoding in the Television Discourse. 1973; *Idem.* Representation: Cultural Representations and Signifying Practice. L. 1997; etc.

10. *Hall S.* How UK media fuelled race prejudice // <http://www.chonicleworld.org>
11. *Geertz C.* After the Facts: Two Countries, Four Decades, One Anthropologist. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1995.
12. *Williams R.* The Long revolution. L.: Hogarth. 1992 [1961].
13. *Alexander J.* Introduction: Understanding the ‘Relative Autonomy’ of Culture // *Alexander J., Seidman S.,* (eds.). Culture and Society: Contemporary Debates. Cambridge: CUP, 1990, pp. 1-27; *Smith Ph.* The New American Cultural Sociology // *Smith Ph.* (ed.). The New American Cultural Sociology. Cambridge: CUP. 1998.
14. *J. Mohr.* The Cultural Turn in American Sociology. A report from the field. <http://www.soc.ucsb.edu/ct/pages/JWM/Papers/Chair's20%Letter.htm> p.1
15. *Alexander J.* Twenty Lectures: Sociological Theory since World War II. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1987; *Idem.* Theoretical Logic in Sociology. Vols 1-4. Berkeley - Los Angeles: Univ. of Calif. Press. 1982-1983; *Idem.* Fin De Siècle Social Theory: Relativism, Reduction, and the Problem of Reason. L.: Verso. 1995; etc.
16. *Alexander J.C., Smith P.* The Strong Program in Cultural Sociology // The Handbook of Sociological Theory / *Turner J.,* ed. NY: Kluwer, 2001; *Alexander J.* The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. N.Y.: OUP. 2004.
17. The Cambridge Companion to Durkheim. *Alexander J.C., Smith Ph.* Eds. Cambridge, Mass. 2005.
18. <http://www.cjonline.ca/pdf/durkheimcompanion.pdf> (автор - Ken Morrison).
19. *Waquant L.* Notes tardives sur le “marxisme” de Bourdieu // Actuel Marx, 1996, No.20 (Autour de Pierre Bourdieu)
20. Тело человека – новые горизонты социального познания? // Социол. исслед. 2006. № 4. С. 16- 25.
21. *Liebertson S.* Small N’s and big conclusions // *Ragin Ch., Becker H.* What is a Case. Exploring the Foundations of Social Inquiry Cambridge, CUP 1995, pp.105-118.

22. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1998.
23. *В. Цанф.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социол. исслед. 1998 № 8. С. 14-26; Юхлер Я. Достаточно ли "модернизации" // Там же. 2002, № 8; *Аллард Э.* Сомнительные достоинства концепции модернизации // Там же. 2002, № 9; и др.
24. *Latour B.* We Have Never Been Modern. Cambridge, Mass. HUP, 1993.
25. Introduction // Remaking modernity: Politics, History and Sociology (*Adams J., Clemens E., Orloff A.*, eds). Chapel Hill, NC.: Duke Univ. Press. 2004. P. 13.
26. Важный проект МСА // исслед. 2006. № 11. С. 141-148.
27. Current Sociology, 2006. V. 54. No. 1. Special issue: The idea of autonomous sociology: Reflections on the state of the discipline.
28. Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов // Социол. исслед. 1999 № 3. С. 3-10.
29. <http://www2.asanet.org/governance/burawoy.html>
30. *M. Burawoy.* The world needs public sociology // Sosiologisk tidsskrift. Oslo. 2004. N. 3. А также <http://www2.asanet.org/pubs/2004PresidentialAddressASR.pdf>
31. <http://zoperman.bbaw.de/bbaw/Forschung/Forschungsprojekte/paradigmen/bilder/therborn>

При поддержке РФНФ грант № 06-03-00108a